

Фронт отодвигался на Запад. Надежда на возвращение в родную Одессу становилась все реальнее. Во второй половине марта 1944 года театр выехал на длительные гастроли в Куйбышев. Здесь коллектив узнал об освобождении родного города.

Из воспоминаний А.У. Луценко: *"Шел спектакль — и вдруг за кулисами раздался чей-то голос: "Одессу освободили!". Спектакль остановился. Актеры, стоявшие на сцене, сияли счастьем. На глазах у многих были слезы радости. Зал стоя приветствовал одесситов. Это мгновение жизни, которое никогда нельзя забыть!"*.

3 августа 1944 года коллектив Одесского украинского театра имени Октябрьской революции возвратился в Одессу. В труппу влились актеры, которые работали здесь в период оккупации. А 23 сентября 1944 года спектаклем "Партизаны в степях Украины" театр открыл новый сезон. В афише — четырнадцать названий.

Еще шла война. До великой Победы было не близко. Но в здании на Пастера, 15, шла напряженная творческая работа. Самая мирная. И совсем недавно освобожденный город с благодарностью следил за ней, ибо Украинский театр всегда был в Одессе любимым.

Наталья ПОЛИЩУК

"Во мне болит все человеческое"

Как быстро пролетело время — вот уж и 10 лет, как нет среди нас Сергея Полищука, адвоката, журналиста, поэта... и просто веселого доброго человека. Моего отца. Чем дальше от этого дня, тем больше хочется рассказать о нем, о семье, об окружении, о той атмосфере, в которой он жил и которую создавал вокруг себя. О том, каким он был — и почему был таким, а не иным. Какая кровь текла в его жилах и что его сформировало. Именно поэтому в своей статье мне захотелось обратиться к истокам — его предкам. И не в угоду времени или чтобы покрасоваться, пишу я о предках наших, а чтобы еще раз попытаться понять феномен моего отца, удивительно свободного человека (в самые несвободные времена), никогда не искавшего благ у власти, раба только своей совести и чувства собственного достоинства. А еще мне хочется напомнить о его и их следе в нашем городе.

"Я рад, в моей крови смешалось сто кровей:
Суровый славянин, насмешливый еврей,
Грек — тертый гражданин, разбойник ста морей,
Я рад, в моей крови смешалось сто кровей!"

* * *

Сергею Полищуку повезло дважды. Во-первых, он родился (это я объясню чуть позднее). Во-вторых, он родился в Одессе, в семье, которая была связана с этим городом еще до официальной регистрации в виде Одессы. В 1792 году корнет Степан и кадет Давид Флоринские получили во владение землю в Ананьевском уезде. Имение Флоринских просуществовало там до самой революции. Здесь гостили летом все дети, жившие в Одессе, Петербурге, Тифлисе и Варшаве. Отсюда в 1880-х годах была

отправлена в Одессу в Институт благородных девиц (таковой существовал и в нашем городе) старшая дочь Нина Флоринская. В Одессе девочку поселили у тетки (где же, как не у родственников?), генеральши Кич, тогда — близкого друга, а затем — жены Г.Г. Маразли. В доме Кич девочка прожила практически до самого своего замужества с одесским прокурором Александром Скопинским. Родственники что-то ворчали о мезальянсе — Флоринские из старых дворян, Скопинские — дворяне жалованные за собственные заслуги, — но вскоре утихли. Тем более, что карьера прокурора складывалась удачно, вскоре он уехал с повышением в Тифлис, затем стал Товарищем прокурора Российской империи (сегодня соответствует заместителю Генерального прокурора). Семья уже жила в Петербурге, в ней было 2 детей, родившихся кто в Одессе, кто в Тифлисе.

В 1911 году А. Скопинского не стало, он был убит в поезде то ли бандитами (официальная версия), то ли террористами-революционерами. После долгих мытарств и обращения к высокопоставленным родственникам жена получила генеральскую пенсию, а дети определены — сын в Училище правоведения, дочь — в Смольный Институт благородных девиц. И в те времена это было очень непросто.

Затем — революция, бегство из Петербурга к маме в имение, но и тут беспокойно — глаза крестьян не предвещали ничего хорошего. Одесса. Сын — в Добровольческой армии, дочь подрабатывает ведением хозяйства у более богатых родственников. Тиф в 16 лет. Выжила Маруся чудом — сосед-чекист отнес девочку на руках в больницу и обещал перестрелять всех врачей, если она не выживет. Выжила. А сосед погиб через неделю.

И вот теперь собственно о чуде появления С. Полищука на свет. Когда Маруся получила предложение поработать секретарем у молодого адвоката-еврея Петра Матвеевича Полищука в Тирасполе, все родственники встали на дыбы: "Ни в коем случае! Она же дворянка, а он — еврей!" (семья отнеслась бы спокойно к любому пьянице и картежнику, каких, кстати, было довольно и среди родственников, но к своему, дворянину, русскому).

Здесь Маруся впервые в жизни — в 17 лет! — проявила твердость характера, надела платье, сшитое из мешка АРА, потребовала у родственников свою зарплату и уехала в Тирасполь. Так, благодаря революции, смешавшей все сословия, они встретились. Через год молодая семья вернулась в Одессу, и Петр Матвеевич вступил в коллегия адвокатов. А в 1929 родился сын Сергей.

О П.М. Полищуке — адвокате — рассказывали много хорошего, осо-

бенно о его участии в защите людей по политическим статьям в 37-38 годах. Коллеги говорили, что многим он смог спасти жизнь, переведя их "злодеяния" из разряда политических в разряд уголовных, а за уголовные преступления наказания были гораздо мягче.

Однажды в середине 80-х на улице ко мне подошла очень пожилая женщина. Она спросила, не имею ли я отношения к адвокату Полищуку. Я ответила, что я — его дочь. Она улыбнулась: "Внучка, наверное. Я работала секретарем у Петра Матвеевича до войны... Вы так на него похожи... А я не знала, что его сын — тоже адвокат...". Вспоминала она не много — все больше плакала...

Думаю, именно Петр Матвеевич, судя по тому, как описывал его отец, заложил в него этот дух внутренней свободы при очень обостренной совестливости, который отмечали все его друзья. Петр Матвеевич был человеком веселым, остроумным, изумительным рассказчиком. Об этой их довоенной, почти безмятежной жизни лучше читать не у меня, а у Сергея Полищука в романе "Купель на площади" (Одесса, 1995). Вообще, роман этот, который писался почти всю жизнь, это — дань любви, обожания отцу, которого Сергей потерял в 12 лет в гетто. И об этом тоже — в романе. И об оккупации правду глазами очевидца — там же. Сегодня иные легковесно заявляют: "При румынах в Одессе было хорошо: работали рестораны, магазины. А евреев можно было у румын выкупать за деньги". Мне грустно и страшно: подмена лжи не несет правды. Хорошо, если кому-то повезло выкупить близких. Моей бабушке — не повезло.

Но сына она сохранила.

Мария Александровна Полищук не была ни героем, ни особенно отважным человеком, побаивалась дворника, да и вообще любого хама. Но несколько раз в жизни проявляла восхитительное мужество. Во время оккупации, борясь за жизнь мужа, затем — спасая сына, сделал ему поддельные документы и срочно поменяв место жительства. А то, что она еще до войны переборола протесты семьи и наветы "подруг" ("Как можно отпускать ее в институт? Там же мужчины! И вообще, зачем жене адвоката высшее образование?") и поступила учиться в Институт иностранных языков? Она закончила институт после войны и потом всю жизнь преподавала французский язык.

Она пережила сына и умерла в абсолютно здоровом уме в 92 года, много читала, в основном по-французски, а незадолго до смерти вспомнила еще и немецкий язык, который не использовала лет эдак 50, и довольно свободно общалась с моими немецкими приятелями.

Закончив после войны юрфак, Сергей поехал по назначению в прокуратуру Днепропетровска, где проработал всего несколько месяцев, до того момента, когда кадровик нашел время прочесть его анкету, в которой честный юноша указал: "был в оккупации". По поводу этого увольнения С. Полищук написал свою первую ерническую поэму-пародию, которая еще долго ходила по рукам в коридорах Днепропетровской прокуратуры.

Вернулся в Одессу, помыкался без работы, стал пописывать в газеты. И получил "комсомольскую путевку" на работу в газету в Черкассы. Здесь он встретил свою Нину, здесь они прожили несколько веселых лет и поехали в Минск, к Нине на родину. О белорусских годах жизни отец рассказал в повести "Старые Дороги" (Одесса, 1995) — он написал ее одним духом, как любил рассказывать эти истории друзьям...

В начале 60-х годов стало ясно, что те перспективы, на которые рассчитывали в Белоруссии молодой адвокат-журналист и его супруга, сильно преувеличены их наивной фантазией и сильно затруднены порывистым и жаждущим справедливости характером Сергея. Его все больше тянуло в Одессу, к друзьям, тем более, что те уже и работу ему присмотрели — редактором на киностудии. В 1962 г. наконец произошло: квартира обменена, работа есть, вокруг друзья, море и солнце.

В 60-70-е годы в доме у нас бывали художники Олег Соколов, Владимир Криштопенко, Ким Литвак с неизменной гитарой и первыми песнями Высоцкого и Окуджавы. Бесконечной вереницей проходили обмывающие новые книги писатели и поэты, но чаще других бывали В. Домрин, Б. Нечерда, А. Зорич, С. Стриженюк и А. Львов, под тяжестью которого ломались хрупкие трехногие табуретки. Однажды, придя из школы, я увидела за столом незнакомого молодого мужчину. Он оказался автором "Мясоедовской" — полузабытым сейчас поэтом Морисом Бенимовичем. Часто приходили журналисты В. Нечипорук, Е. Голубовский, Ф. Кохрихт, Б. Езерская и многие-многие другие. Постоянно бывали юристы Л. Ямпольская и Я. Борисов, и актрисы И. Черкасская и Е. Куклова, и врачи С. Гешелин, Л. Авербух, Б. Куклов — они дружили с папой еще с довоенных и военных времен. О каждом из этих людей есть что рассказать особенного, неповторимого. Бог даст, когда-нибудь я это сделаю. Но все они, общаясь с родителями и друг с другом, создавали особую ауру — ауру нашего дома.

Со времен работы отца на киностудии я помню замечательного человека, известного сценариста Григория Колтунова, а после съемок у К. Му-

ратовой в "Перемене участи" в доме появились новые друзья — режиссер Н. Попова и любимый актер Муратовой, "не от мира сего" В. Карасев. И никто никогда не ушел ненакормленным, трезвым или злым. Яркая личность отца, его искренний интерес к другим людям, его доброжелательная раскованность, оттененная неизменной добротой и хлебосольностью, умом и обаянием мамы, привлекали к нам всех, знаменитых и неизвестных, очень разных людей — приехавшего из Бразилии репатрианта Тиму Чеботаева с женой Броней, мамину коллегу — экономиста Стеллу Едемскую (ее муж до сих пор ревнует ее к папе!), которые стали ближайшими друзьями на всю жизнь.

Помню, почти каждый вечер: полный дом гостей, песни В. Высоцкого, А. Галича, А. Вертинского, П. Лещенко, шутки, смех, стихи до утра, танцы, розыгрыши, шум — и вечное ворчание бабушки, что бюджета ни на что не хватает, что надо экономить... А назавтра все сначала... А потом появился еще один звук, который до сих пор вспоминают с улыбкой многие соседи: стук пишущей машинки по ночам. Сергей начал серьезно писать. В 1967 г. опубликована повесть "Ищу человека", обобщение адвокатского и журналистского опыта. Полудетектив, она была раскуплена в первую неделю, и в доме осталось всего несколько книг, а сейчас — вообще одна, на вес золота.

Он сразу сел за "Купель на площади", но в 1969 году, когда роман был закончен, все обстоятельства были против Сергея. Он успел серьезно поспорить с директором издательства "Маяк", где работал редактором (как это уже случалось и в Белоруссии, он защищал "обиженного", который тут же от его защиты и отрекся). И директор отомстил самым доступным ему способом: заказал уничтожающую рецензию, после которой не то что издавать роман нельзя, но лучше бы посадить автора... Слава Богу, это был уже (или еще?) 69 год, и ругали в одной статье в "Знамени коммунизма" — его, который посмел говорить об оккупации Одессы без "руководящей роли партии и подполья", и Киру Муратову, которая тоже... (ее за фильм "Дети подземелья").

Действительно, кому же в 69 году нужна была правда об оккупации? Сталинские лозунги о том, что все люди, которые оставались на оккупированной территории и вели свою маленькую борьбу за выживание в нечеловеческих условиях, включая грудных младенцев, — изменники и пособники фашистов — эти лозунги не только не были отменены, на них строилась идеология. (Помните, уважаемые соотечественники, до какого времени в анкетах была графа "Не был(а) ли (или

родственники) на оккупированных фашистами территориях"? — год отмены чуть ли не 1986!).

Несправедливая, откровенно хамская критика ввергла Сергея в глубочайшую депрессию, а тут еще и потеря работы в издательстве, куда он, естественно, и не хотел возвращаться.

Прошла его угнетенность, когда в 1973 г. удалось снова заняться любимым делом — защищать людей, стать членом Одесской коллегии адвокатов. Снова по вечерам — гости, рассказы о курьезных делах, смех...

Среди друзей 70-80-х годов хорошо помню Никиту Брыгина, как раз тогда создававшего Одесский литературный музей. С ним связана такая история: Никиту Алексеевича решили посадить в тюрьму (не то купил что-то для музея, да не так заплатил... в общем, характерная для конца 70-х история). Он был вызван в прокуратуру, но попал в обеденный перерыв. Сидел в коридоре, ждал. Ему сказали: "Идите, поешьте, вернетесь после обеда, мы вас сажать будем". Он и пошел поесть, к счастью, к нам — рядом, да и с адвокатом Полищуком посоветоваться. Ни в какую прокуратуру после обеда отец его не пустил, уложил в больницу (где через 3 дня Никиту Алексеевича догнал инфаркт), оттянул явку в суд, выделил дело в отдельное производство и добился условного наказания. Так что, то, что легендарная в Одессе личность Никита Брыгин умер в своей постели — заслуга адвоката Сергея Полищука.

И снова стук машинки по ночам: пошли циклы очерков в газеты о следователях, об оперативниках. И — стихи. Сначала — юмористические пародии на коллег и клиентов, на будни юридической консультации (ЮК) и т. д.

"В ЮК, где проживал Романцев,
Где он творил и управлял,
Каких чудовищ и поганцев
Любой из нас не наблюдал!
Там на заре выносят волны
На брег печальный и пустой
Ханыгу, двух придурков полных,
Русалку с рваною губой...
Там полудьявол, полуптица
Разбойник, некто Соловей
Желает пенсии добиться
И машет грамотой своей,

В которой, кстати, говорится,
Что он — отъявленный злодей,
Но что злодейства делу предан,
Сомненья никогда не ведал
И убивал, Господь спаси,
Еще с Крещения Руси..."

Эти милые пародии потянули за собой гораздо более серьезные стихи — и вот уже в 76 г. появляется на свет "Иродиада" и "Ешуа", за ними и другие, составившие затем сборник "Песни рыжего клоуна" (Одесса, 1989).

Писать в стол — сложно. Почти невозможно. Отсутствие реакции для писателя, особенно для такого экстраверта, каким был Сергей Петрович Полищук, это как состояние заключенного в одиночной камере. Стихи — это та отдушина, через которую он задышал: стихи читаются друзьям, есть их реакция, улыбка или сопереживание, и это — подпитка для автора. Это — эмоциональный выход, и он найден. Теперь Сергей, всегда вдохновенно читавший друзьям Г. Гейне и Ф. Вийона, читает свои стихи — и друзьям они нравятся. И он создает новые — грустные, злые, философские, добрые, ироничные, откровенно шутовские. Хотя веселых среди них не много.

"Стихи мои — враги мои,
Мои друзья и братья,
Мой праздник, мой счастливый миг
И вечное проклятье".

"Во мне болит все человеческое" — определил их автор словами из К. Чапека. Боль за несправедливость и гнусность мира, за несбыточность мечты, за невозможность что-либо изменить...

"Главное что в жизни?
Главное — найти жилу.
Сделаться одержимым,
Радоваться, скорбя.
Главное — боль и жжение,
Главное в постиженье,
Главное — встретить Бога,
Истину и себя".

Стихи необыкновенно разноплановые, их спектр настолько велик, что и не подобрать единого слова для их характеристики. Бесспорно одно: всех их роднит заложенный в каждом глубокий смысл и боль... Ни одной пустой строки, ни одного лишнего слова. И все они — и страстные, и гневные, и озорные — как в зеркале отражали состояние души автора, богатство и непокой его духовного мира.

"Нет стихов у меня о любви! И верно:
Все стихи мои не о том.
Да и как мне бежать от великой
 скверны,
Населившей земной наш дом!

Как от боли укрыться, что
 душу гложет,
Бьет под дых шибаном лихим!..
Нет стихов о любви у меня.
 Быть может.
Но любовь — все мои стихи!"

Что-то удается с огромным трудом вставить в радиопередачу, что-то опубликовать (но это уже в 1980-е, в "Комсомольской искре"). Это — счастье. И оно вдохновляет.

Как и любимая работа — и снова в доме праздник: удалось спасти кого-нибудь приличного человека от наглого негодяя, или доказать невинность невинного, или защитить квартиру порядочных людей от посягательств бессовестного зятя...

Когда в 1986 г., на волне перестройки удается, пусть и за свой счет, издать сборник стихов, захотелось и к роману вернуться. Оказалось — рукописи хоть и не горят, но стареют. В 58 лет осознаешь многое иначе, чем в 40, да и понимаешь некоторые вещи совсем по-другому. Окунулся в переделку, заново переживая события юности, полностью переписывая многие главы.

Страшная болезнь мамы, той самой очаровательной Анельки из повести "Старые Дороги", свалилась на нас неожиданно и выбила почву из-под ног. Нина была отцу не только нежной и ласковой женой. Она была надежным другом, тем человеком, который стоял на земле, держал нашу семью, держал его руку, когда он парил в небесах, и вытаскивал его из

всех пропастей, куда загоняла его жизнь или он сам себя. Она была столпом, опорой, землей, на которой мы все стояли. Детская обидчивость на не так сказанную фразу или на Сережину дежурную влюбленность не мешала ей любить его и прощать ему все...

Еще вчера здоровая, нежная, ласковая, веселая, быстрая, энергичная — и всегда успокаивающая эмоционального мужа — она стала тихой, грустной, она сгорела на наших руках. Умирала мучительно, и это особенно страшно.

Когда не стало Нины, тоска по ней вылилась тоже в стихах. Это было обращение к Библии, к самой лирической ее части — "Песни песней" Царя Соломона, но это не плач о любимой, это — гимн ей, Любимой и самой Любви.

"Время властвует над нами,
Над державами, над миром,
Лишь любовь, что зыбче вздоха,
Лишь над ней не властно время,
И она нам жизнь дарует,
И она в пути нам светит,
И любовь сильнее смерти..
И любовью мир спасется..."

Обращение С. Полищука к Псалмам Давида было логичным, оно вызвано внутренней потребностью. Он, конечно, хорошо знал, что к псалмам обращались почти все великие, в том числе и Пушкин, и Пастернак, и Шевченко, чьи трактовки псалмов он особенно ценил. И не побоялся стать в этот ряд, провести свой внутренний диалог с читателем о смысле его земного существования.

"Но песня новая спешит
К Твоим Божественным пределам
(а в ней и скорбь, и боль души,
и радости надежд несмелых).
Но песня мощная спешит
К Твоим ликующим пределам
И слов ее не заглушить!"

Его очень современный взгляд на вечные проблемы бытия — это по-

эзия жизнеутверждающая, помогающая обрести равновесие в мыслях и чувствах. При кажущейся внешней простоте она возвеличивает человека, делает его несокрушимым в борьбе с невзгодами.

"Но кто есть, Боже, человек,
Что Ты вознес его над миром,
Вручил орало, меч и лиру,
Святой Свой даровал завет?..
Кто он: горсть праха, пепел, тлен
Или Твоей наследник славы?"

Два с половиной года, на которые только и пережил свою Нину Сергей Полищук, оказались самыми продуктивными в его творческой жизни. Был подготовлен к изданию, набран и оформлен рисунками С. Ильина и В. Хвостанцева сборник стихов "Библейские напевы" (Одесса, 1994), написано несколько рассказов и повесть "Старые Дороги", составившие затем сборник "Записки адвоката" (Одесса, 1995). Видимо, так было легче переживать потерю, вспоминая и воссоздавая свою романтическую молодость в Белоруссии.

* * *

Отец успел подержать в своих руках всего две из своих книг — "Ищу человека" и "Песни рыжего клоуна". Остальные я доделала и издала уже после его смерти. Доделала — потому что вскоре исчез издатель "Библейских напевов" (уехал в Германию, и почему-то очень срочно), оставив меня с отпечатанными, но не вычитанными страницами книги, частично потерянными рисунками, не разобранными листами.

Но и после смерти проявляется поразительная притягательность личности поэта Сергея Полищука. Прочитав его стихи — "Песни рыжего клоуна", в дом с предложением помощи пришел новый человек — Михаил Грайжевский. Он помог собрать "Библейские напевы" с наименьшими потерями, он помог мне затем и с изданием "Купели на площади" и "Записок адвоката". Носился, переживал, устраивал подешевле — ведь издание было осуществлено за мой счет. И стал нашим с папой искренним другом.

Наверное, удивительнее всего, что отец предвидел, знал, что его книги буду издавать я. Он готовил меня к этому с детства, рассказывая, что тот или иной писатель не увидел бы света, если бы не дети и жены (любимый пример — Д. Кедрин).

И еще о восхитительном притяжении личности Полищука и его стихов. Год назад игуменья Серафима, большой друг отца и поклонница его таланта, привела ко мне композитора Валентину Ульяш. Я подарила ей книгу — "Библейские напевы", а спустя совсем немного времени В.В. Ульяш пригласила послушать, что у нее получилось. В некоторых псалмах попадание музыки было настолько точным, что мороз пробегал по коже. С Божьей и нашей с матушкой Серафимой помощью вокальный цикл Валентины Ульяш "Библейские напевы" на стихи Сергея Полищука вышел в свет (Одесса, 2003 г.). А это означает, что и сегодня эти стихи волнуют, радуют, зовут к сотворчеству!

* * *

Думая о судьбе отца, я понимаю, что этот удивительный человек жил, стараясь ежедневно подняться на какую-то нравственную, творческую высоту, вложить что-то хорошее в этот мир — и иметь возможности радоваться результату. Эта атмосфера подъема распространялась на близких, на друзей, на знакомых. Наверное, поэтому и через 10 лет после смерти его помнят, любят, говорят о нем с улыбкой, с блеском в глазах, который был зажжен его вдохновением. Да, вероятно, вдохновение — именно то слово, которым и можно определить его жизнь. Он вдохновенно творил, кому-то помогал, защищал, читал стихи, слушал чужие, радовался чужой радости, страдал, падал в пропасти, расширялся и взмывал из них ввысь.

"...Я счастлив жить на Земле,
Где Слово — громов сильней,
Оседланы хлябь и твердь,
Где Смех попирает смерть...

Я счастлив жить на Земле,
На тонущем корабле,
Средь воплей, метаний, бурь,
Я верую — я гребу!"